

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №4, Том 13 / 2022, No 4, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/53FLSK422.pdf>

DOI: 10.15862/53FLSK422 (<https://doi.org/10.15862/53FLSK422>)

**Ссылка для цитирования этой статьи:**

Маллалиев, Г. Н. Жанр литературной эпитафии в табасаранской поэзии / Г. Н. Маллалиев // Мир науки.

Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 4. — URL:

<https://sfk-mn.ru/PDF/53FLSK422.pdf> DOI: 10.15862/53FLSK422

**For citation:**

Mallaliev G.N. Genre of literary epitaph in Tabasaran poetry. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 4(13): 53FLSK422. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/53FLSK422.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

DOI: 10.15862/53FLSK422

## Маллалиев Гюлахмед Нуралиевич

ФГБУН «Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук», Махачкала, Россия

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы

Научный сотрудник отдела литературы

Кандидат филологических наук

E-mail: [gyu76@yandex.ru](mailto:gyu76@yandex.ru)

РИНЦ: [https://www.elibrary.ru/author\\_profile.asp?id=500803](https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=500803)

## Жанр литературной эпитафии в табасаранской поэзии

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию жанра литературной эпитафии в табасаранской поэзии. В водной части, носящей теоретический характер, показано отличие между кладбищенской и литературной эпитафией, выявлены конституциональные признаки двух жанровых разновидностей, констатируется степень освоения жанра в литературах народов Дагестана.

В основной части работы на материале поэтических текстов поэтов Г. Гаджиева и Р. Рамазанова проведен тематический, структурно-композиционный анализ, а также анализ субъектной организации текстов табасаранской литературной эпитафии. Автор приходит к выводу, что литературная эпитафия в табасаранской поэзии имеет назидательный и сатирический характер; в ней подвергаются осуждению поступки и качества людей, которые противоречат народному идеалу женщины, матери, горца — супружеская неверность, насилие по отношению к людям, себялюбие и равнодушие, порочность и упорство в совершении грехов. Также в эпитафиях поднимаются проблемы воздания за земную жизнь, благодарности усопшим за их труд и добро, совершенное при жизни, философские вопросы — бренности жизни, тщетности людских желаний.

Табасаранской литературной эпитафии присуща многосубъектность: субъектами речи в ней могут выступать усопший, надгробная плита, родственник умершего, человек, который вырезал надпись на надгробье; текст надписи может быть обращен от лица усопшего к живым, от лица живых к умершему, к прохожему и т. д.

Преимущественная композиционная форма бытования литературной эпитафии в табасаранской литературе — четверостишие; реже встречаются двустишья и восьмистишья. От формы зависит и степень лаконичности эпитафий — в двустишьях мысли выражены лапидарно, четверостишьям присуща философская обобщенность, восьмистишья, как правило, имеют лирический сюжет.

**Ключевые слова:** эпитафия; надгробный камень; табасаранская литература; назидание; субъект речи; цикл; надгробная надпись; адресат

## Введение

В литературоведческой науке понятия «надгробная надпись» и «эпитафия» часто используются как идентичные, однако при очевидной схожести они не тождественны. Надгробная надпись по своему содержательному значению шире понятия эпитафии и может включать ее в свой состав. К примеру, традиционная надпись на старинных дагестанских надгробьях включает в себя имя усопшего, имя его отца или название рода (фамилии), даты жизни покойника; иногда (если умерший из знатного рода) указываются его титулы. Кроме того, в текст надгробной надписи может быть вплетена та или иная религиозная формула. «Чаще всего таковой служит какой-нибудь аят из Корана или текст хадиса. Наибольшее распространение имеют выражения: "Все, что на ней (земле), тленно, останется вечно (лишь) лицо Господа твоего, обладателя величия и почтения", "Он вечный, который не умрет", "Всякая душа вкусит смерть"» [1, с. 57].

Встречаются и случаи, когда надгробные надписи содержат не только традиционные формулы единобожия и выдержки из Корана, но и «совершенно особенные, индивидуально окрашенные, порою высоко поэтические выражения скорби, надежды, горечи прощания» [2, с. 172], то есть в них происходит эстетико-смысловое расширение первоначальной традиционной надгробной эпиграфики, ее переход в кладбищенскую эпитафию.

Кладбищенская эпитафия отличается от надгробной надписи рядом признаков, или «жанровых параметров», которые выделила Т.С. Царькова: лаконичность формы; особая форма повествования — эпитафия оформляется в виде речевого обращения членов семьи, родственников к самому умершему, или к читающему эпитафию прохожему; самого умершего к близким, или к тому же прохожему-читателю; обе стороны могут обращаться к Богу; монотемность: каждая эпитафия — это «итог жизни, даже если этот итог выражается лишь как трагическое восприятие смерти, на эмоциональном уровне»; установка на эпиграфичность [3, с. 61].

Именно переход от первоначальной обезличенной абстрактности надгробных надписей к написанному от имени умершего, либо от имени его родственника эмоциональному тексту, который оживляется в сопереживающем сознании читателя — путника, прохожего, живых людей вообще — и знаменует рождение кладбищенской эпитафии. Причем, текст кладбищенской эпитафии в эмоциональном аспекте может иметь самую разную тональность. К примеру, как отмечают исследователи ногайской эпиграфики Р. Керейтов и С. Червонная, «литература классических эпитафий тюркского мира охватывает весьма широкий диапазон жанров от торжественной оды и любовной лирики до своеобразной сатиры (самокритичного перечисления и описания грехов и недостатков, которое ведется от имени самого умершего)» [2, с. 172].

В то же время функционирующая на внелитературном уровне кладбищенская, или реальная, эпитафия по сути является, как отмечает Н.В. Брагинская, письменным фольклорным жанром, обладающим специфическими особенностями произведений устного народного творчества — анонимностью, включенностью в похоронный ритуал или обряд, установкой на устный характер прочтения, диктующей особый характер речевой организации текста, а именно: наличие прямой речи персонажа (умершего), обращенной к слушателям, и ее произнесение читателем (путником, прохожим) актуализирует «присутствие персонажа» — автора речи, а достигаемое таким образом «соприсутствие исполнителя и слушателя есть специфическая черта фольклора» [4, с. 126–127].

В настоящей работе речь пойдет о литературной авторской эпитафии, которая как художественный жанр отличается от кладбищенской эпитафии-надписи на надгробном камне. По мнению А.В. Ложковой, литературная эпитафия как жанр возникает в тот момент, «когда

связь «эпитафия-надпись», имевшая для фольклорной формы буквальный смысл, формализуется, переводится на уровень поэтически условный, то есть манифестируется с помощью особых приемов: устойчивых формул (обращение к прохожему, горестное восклицание и т. п.), использования образов со специфической маркировкой (камень, могила и т. п.)», при этом само наличие надгробной надписи как таковой не является обязательным [5, с. 60–61].

К конституциональным признакам литературной эпитафии исследователь относит: (1) резкое усложнение субъектной организации текста, которая приобретает «полисубъектную форму», включающую в себя переживания автора эпитафии — близкого родственника умершего, при этом в «эпитафическом высказывании намечается и образ умершего, и читатель видит его таким, каким он запечатлелся в памяти скорбящего», что приводит к взаимоналожению образов; (2) реакцию третьего субъекта — носителя воспринимающего сознания (прохожего) — она хоть и не выражена прямо, но подразумевается, поскольку текст эпитафии направлен «на формирование вполне определенного эмоционального отклика» и, наконец, фактического читателя литературного произведения; (3) сложный жанровый хронотоп, создаваемый наложением нескольких временных пластов — моментом, когда писалась эпитафия, и когда она воспринимается прохожим, и пространств — земного и потустороннего [5, с. 61–63].

В дагестанской литературе жанр литературной эпитафии представлен не так широко. На ее становление в дагестанской поэзии, по мнению Р. Багомедова, оказали влияние русская и переводная европейская поэзия, а предпосылкой для ее возникновения является богатое эпиграфическое наследие Дагестана: «На мусульманских надгробиях иногда встречаются высеченные на оборотной стороне стихотворные строки, представляющие собой произведения, пограничные с фольклором и литературой» [6, с. 47].

Преимущественная тематика жанра эпитафий в дагестанской литературе — нравственно-дидактическая (рассуждения о предназначении человека, добре и зле, верности, праведности), панегирическая (восхваление усопшего и его моральных качеств), сатирическая (осуждение пороков). Другая особенность дагестанской литературной эпитафии — стремление к философской обобщенности и емкости. Эта традиция идет от Р. Гамзатова, чей «жанр надписей напоминает паремиологические единицы, в которых отражается менталитет народа, его история, материальная и духовная культура, опыт носителей «...» языка, мудрость народа» [7, с. 159].

Из известных образцов жанра в литературах народов Дагестана можно указать «Надписи на надгробных камнях» Р. Гамзатова из цикла «Надписи» (аварская литература), «Надписи, предназначенные для надгробных плит» А. Муртазалиева и цикл надгробных надписей из книги «Мольба колос» С. Рабаданова (даргинская литература); эпитафии, написанные А. Сулеймановым, А. Джачаевым, В. Атаевым (кумыкская литература), эпитафии поэта-экспериментатора А. Алема из книги «Белые голуби» (лезгинская литература). В табасаранской поэзии литературная эпитафия представлена только в творчестве двух современных авторов — Р. Рамазанова и Г. Гаджиева. Если в других литературах жанр эпитафии более-менее исследован, в табасаранской литературе он еще ни разу не становился объектом научного исследования. Этим и определяется актуальность настоящей статьи — анализ специфики табасаранской литературной эпитафии будет способствовать углублению имеющихся представлений о жанровом строе табасаранской лирики. Целью настоящей статьи является художественный анализ специфики литературной эпитафии в табасаранской литературе.

## Методы исследования

В настоящей статье в качестве материала исследования взяты поэтические тексты табасаранских авторов Г. Гаджиева и Р. Рамазанова. В качестве методов исследования применены метод фрагментарного анализа текста и жанровый анализ.

## Результаты

В табасаранской литературе впервые к жанру эпитафии обратился поэт Г. Гаджиев в 1999 году — в свой поэтический сборник «Диалог с Музой» он включил цикл «Надписи на надгробных камнях» («Накъвдин шабарик дидикІнайидар») из 27 эпитафий; в сборнике «В обители поэзии» (2010) он дополнил цикл еще тремя эпитафиями.

Циклообразующими элементами в данном цикле выступают общее заглавие, вступительная строфа и астериски (три звездочки), которые не только обозначают границы соседних эпитафий, но и объединяют их в единое целое, заменяя собой цифровую нумерацию.

Вступительная строфа адресована читателям — в ней обобщенно раскрывается смысловая функция надписей на надгробных камнях:

Накъвдин шибарик шул тарих,  
Жил'ин гъахьи касдин тяриф,  
Дугъу хъапІу уьмрин къисмат,  
Имбударизра насигъят [8, с. 46].

На надгробных плитах бывает [высечена] история,  
Похвала жившему на земле человеку,  
Судьба прожитой им жизни,  
И назидание другим.

С точки зрения субъектной организации текстов эпитафии Г. Гаджиева условно можно разделить на 3 группы:

1. Эпитафии, адресованные усопшему родственниками или любимым человеком.
2. Назидания от имени умершего или могильной плиты живым.
3. Эпитафии, содержащие определенную информацию (профессиональную характеристику, оценку личностных качеств и т. д.) об усопшем и адресованные читателю, прохожему.

Эпитафии из первой группы представляют собой глубоко лирические произведения с широким диапазоном эмоций, вызванных уходом из жизни родного человека; это своеобразные мини-поэмы о любви, в которых отражена вся гамма чувств — и любовь, и скорбь, и светлая память, и упрек, и искренняя признательность и благодарность:

Шаду йигъар гъапІнийва узуз багъиш.  
КъутІкълидарра увухъди гъапІза дадмиш.  
Ужубдизра, харжибдизра баркаллагъ,  
МучІу накъвдиъ кюмек ишривуз Аллагъ [8, с. 47].

Радостные дни подарил мне ты,  
И горькие с тобой разделила я.  
И за хорошее, и за плохое благодарю тебя,  
В темной могиле пусть поможет тебе Аллах;

Гъялак гъахъунва, ккунир, накъвдиъ учІвуз.  
Гъязур апІин багахъ гъюдли руг узуз [8, с.47].

Поторопился ты, любимый, войти в могилу.  
Приготовь рядом мягкую землю для меня;

Дахъ, багъалур!  
Зиквран ахин ибшривуз ихъ багъри руг [8, с. 47].

Ляг, бесценный!  
Пуховой постелью пусть станет тебе наша родная земля!

Субъектная структура в этих эпитафиях представлена двумя лицами — усопшим, кому адресована надпись, автором надписи — родственником, возлюбленным (женой, мужем, женихом, невестой).

В эпитафиях из этой группы наряду с чувством признательности и благодарности встречаются и нотки упреков в адрес усопшего, который оставил говорящего одного/одну и тем самым обрек его/ее на страдания и одиночество:

Уъмрин гъайгъушнарихъан гъитІикІунва,  
Ах, йиз ккунир, нивкІ апІин увуз даим.  
Варибдиз дупну «ваъ», узхъан гъушунва,  
ДапІну узкан йитим, аъжуз ва саил [8, с. 47].

Спрятался от забот жизни ты,  
Спи, мой любимый, предавайся вечному сну.  
Всеми сказав «нет», ушел от меня,  
Превратив меня в сирого, беспомощного и обездоленного;

Багъри Жилилан, йиз ккунир, гъшунва,  
Гъитну узуз хажалатна дердна гъам.  
Ялгъуз уз'ин гъайгъушнар иливунва,  
Тувну узуз гюзел веледарин гъварч [8, с. 48].

Ушла с родной Земли, любимая,  
Погрузив меня в скорбь, страдания и печаль.  
На меня одинокого взвалила ты заботы,  
Подарив мне рой прекрасных детей.

Либо недовольство судьбой: «Ву тадагъну узхъан инсафсуз узъри, / Йиз гирами гъиссар саймиш дарапИди» [9, с. 84] — «Тебя забрала у меня беспощадная болезнь, / Не посчитавшись с моими нежными чувствами».

В эмоционально содержательном отношении близко к этой группе эпитафий и следующая, в которой живые люди — родственники, члены семьи усопшего — обращаются к Земле с просьбой взять их любимого к себе в качестве залога — до будущей встречи с ним:

Эй багъри Жил!  
Аманат вуйиз увухъна йиз ккунир!  
Биса йиз хил —  
Узу вуза ув'ин умудлу вуйир [8, с. 48].

Эй, родная Земля!  
В качестве залога вручаю тебе моего любимого!  
Возьми мою руку —  
Я тот, кто надеется на тебя;

К первой группе можно отнести также эпитафии, посвященные умершему человеку и содержащие похвалу его качествам. Субъектом речи выступает тот, кто высекает надпись, причем необязательно родственник:

Уьмриан гъшунва, намус уьбхюри.  
Гъюуьбхюнва! Фаракъатди дахъ жилиъ [8, с. 46].

Ты ушел из жизни, защищая намус (честь).  
Защитил. Спокойно спи в земле.

Икрам апІурза яв рюгънан къувватназ  
Ва фикрарин деринвализ фагъмин сагъ [8, с. 50].

Я преклоняюсь перед силой твоего духа  
И глубиной мысли здорового ума.

Вторая группа эпитафий — эпитафии-назидания от имени умершего либо могильной плиты к живому человеку. Они содержат в себе призывы совершать добро, поклоняться Всевышнему и помнить о смерти:

Бу жарариз гъапІу уж’вал гъарх, инсан.  
Вуз жарари гъапІу писвал гъарх, инсан.  
Аллагъдин ччвур гъарган кІваин уьбх, инсан,  
Уву йикІрур вуйиб магъархан, инсан [8, с. 46].

Забудь о добре, что ты сделал другому, человек.  
Забудь о зле, что другой сделал тебе, человек.  
Имя Аллаха всегда береги в сердце (помни про Аллаха), человек,  
Что ты смертен, не забывай, человек.

Я инсанар! Дугъривалин къанунар учву уьрхяй.  
Гъякълувал ву варитІан багъа савкъат.  
Ичв гъуншдин девлетниин бахил махъанай.  
Бахилвал ву инсан чІур апІру дакъат [9, с. 84].

Эй, люди! Законы справедливости вы соблюдайте.  
Честность — самый ценный дар.  
Не завидуйте богатству вашего соседа.  
Зависть — сила, губящая человека.

Эпитафии из этой группы представляют собой философские максимы-рассуждения о бренности мира, скоротечности жизни. Их адресаты — живущие на земле люди, что подчеркивается местоимением «мы», «нам» («ухьу», «ухьуз»).

Уьмур — ухьуз гьябкью нивкI ву  
Сяргьят адру даимлугъдиь.  
Ухьуз гьубзруб аьхират ву —  
Ихь мичIли хал даимлугъдин [8, с. 47].

Жизнь — это увиденный нами сон  
В не имеющей границ вечности.  
Нам остается ахират (загробный мир) —  
Наш холодный дом вечный.

Субъектом речи в представленных эпитафиях предположительно выступает усопший, который уже владеет недоступным живым знанием о том, что жизнь — это сон по сравнению с вечностью, что зависть — роковая сила, которая губит человека и в земной жизни, и в загробном мире.

В эпитафиях Г. Гаджиева к живым людям (путникам, прохожим, к тем, кто читает надгробную надпись) может обращаться и надгробье:

Яв уьмрин рякъ фукьан ярхиб гьабхьшра,  
Аьхир, инсан, диди ву хур накьвдихьна [8, с.46].

Каким бы длинным твой жизненный путь ни оказался,  
В итоге, человек, он приведет тебя к могиле.

Примыкают по содержанию к этой группе эпитафий и следующие эпитафии, где субъектом речи выступает живой человек, предположительно тот, кто высек надпись на надгробье или заказал ее; он не отделяет себя от остальных живущих, к которым обращается; предположительный тон его посланий говорит о том, заключенная в строках надписей информация — это не эмпирическое знание, а умозрительный опыт:

Аьхират гьубзруб ву, кIура,  
Дидиз аьхир адар, кIур.  
Аьхиратдин хал ухьузра,  
Му шаксуз ву, кьисмат шул [8, с. 48].

Ахират остается, говорят,  
Ему нет конца, говорят.  
Дом в ахирате и нам,  
Без сомнения, станет судьбой.

Мучу наквдиъ аьзаб шул, кIур,  
Аьзаб шул, кIур, чара адру.  
Душваъ имтигьян тувур, кIур,  
ХьапIу уьмрин Жил'ин аку [8, с. 47].

В темной могиле страдания бывают, говорят,  
Страдания бывают, говорят, от которых нет лекарства.  
Там испытание проходят, говорят,  
За жизнь, прожитую на светлой Земле.

Третья группа эпитафий самая многочисленная. Это надгробные надписи, в которых прохожий или читатель информируется о том, кто лежит в могиле. В таких эпитафиях дается пространственная локализация посредством указательных слов «в этой могиле» («гьаму наквдиъ»), «здесь, внизу» («мушвакк»), «на той плите» («гьатму шибдик»); оценка профессиональных и личностных качеств усопшего; выражается авторское отношение (под «автором» здесь подразумевается тот, кто написал текст на надгробье) к написанному. В содержательном отношении их можно разделить на два вида — тексты-восхваления и сатирические тексты, высмеивающие недостатки усопшего.

В эпитафиях первой разновидности подчеркиваются человеческие и физические качества усопшего:

Гьаму наквдиъ даахна халис инсан.  
Гьяйиф дарди халкь бадали тувур жан [8, с. 46].

В этой могиле лежит настоящий человек.  
Самоотверженно отдавший жизнь за народ;

Мушвакк дахъна адлу Камалил Башир<sup>1</sup>,  
Хуш кIалбарин, машнаъ ригьдин нур айир «...» [8, с. 50].

---

<sup>1</sup> Юноша неопикуемой красоты из аварского села Чох, вокруг которого всегда собирались сельские девушки и замужние женщины. Был убит собственным отцом, чтобы его сына не убили разгневанные братья и мужья сельских женщин.

Под этим местом лежит прославленный Камалил Башир,  
С приятными чертами лица, с солнечным светом на лице «...».

Положительную тональность имеют и эпитафии, в которых дается профессиональная характеристика усопшего, оценка его человеческих качеств. В первых двух строках этих эпитафий идет описание атрибутов профессии, изображенных на надгробье, а в 3–4 строках представлена авторская оценка усопшего:

Му шибдик ка кьянцар, табушв, гаварзал,  
Гьатмунубдик — гажин, дураг ва язал.  
Дахънахьиди мушвакк кеспагълийир гужал,  
Пай кидривдар уьмриъ ляхнарик усал [8, с. 49].

На этом надгробье — клещи, молоток и наковальня,  
На том — гажин, дураг и язал<sup>2</sup>.  
Лежат, наверное, здесь мастера умелые,  
Кто в жизни не совершал плохих дел;

Жут йицарна юркакагъ, дуруц ка гьамдик —  
Халис нежбервалин лишнар чиб дарин!  
Му шибдикк кка инсандиз ризкъ туву кас.  
Икрам апӀурхъа чан гьялал вуй кеспназ [8, с. 49].

Пара волов, ярмо и соха на этом —  
Разве это не настоящего земледельца признаки!  
Под этим надгробьем лежит дававший людям пропитанье человек.  
Поклонимся его праведному ремеслу;

Халачийин шикил капӀна му гъвандик.  
Гьалав ваъ, хъа халис халчи, гуг али,  
Гъубхуб дагълу шуран тӀубари зирек.  
Мушвакк дахъна гъизил хиларин эйси [9, с. 84].

---

<sup>2</sup> Гажин, дураг, язал — глиняные кувшины разных размеров.

Рисунок ковра нанесен на этот камень.  
Не галав<sup>3</sup>, а настоящий ковер, узелковый,  
Сотканный проворными пальцами юной горянки.  
Здесь лежит человек с золотыми руками.

В эпитафиях, где дается профессиональная характеристика умершего, явственно намечен процесс переход от кладбищенской эпитафии к эпитафии литературной. Это не эпитафия в чистом виде, в ее фольклорном значении, а ее литературное переложение, стихи, сочиненные по мотивам эпитафии. «Вещественность» кладбищенской эпитафии в них заменена поэтической условностью, поскольку утрачена прямая связь (равенство) между эпитафией и надгробной надписью, более того, сама надгробная надпись редуцирована до графических знаков; анонимность текста уступила место ярко выраженному авторству, присутствию стороннего — авторского взгляда (наличие указательных местоимений *этот*, *тот*, наречия *здесь*; авторской оценки — «Разве это не настоящего земледельца признаки!»).

Наибольший отход от первичного жанра и даже разрушение важнейшего жанрового признака — привязка эпитафии к конкретному лицу, лежащему под надгробьем, на котором она высечена — наблюдается в эпитафии «На этом надгробье — клещи, молоток и наковальня...», где упоминаются сразу два надгробья (*на этом — на том*) — на могилах кузнеца и гончара. Этот текст нельзя назвать эпитафией, хоть автор и включил его в цикл.

Другую разновидность эпитафий внутри рассматриваемой группы составляют сатирические эпитафии, в которых осуждению подвергаются действия и качества людей, противоречащие общенародному идеалу женщины, матери, горца и т. д. Например, в эпитафии неверной жене, убитой мужем, оправдывается тяжкий поступок супруга: «Когда муж заметил твое бесчестие / Действительно, обожгло его изнутри сердца. / Не смог он делить любовь» («Жилириз яв дугърисузвал гъябкъиган, / БецI гъапIну, дугъридан, кIван дериндиан. / Пай апIуз гъабхундар дугъхъан мягълюббат» [8, с. 50]). Порицанию подвергаются не только супружеская неверность, но и себялюбие, равнодушие к бедам людей — утверждается, что такие люди будут обязательно страдать в могиле («аъзаб зигура накъвдиъ»), терпеть наказания в загробном мире. В следующей эпитафии декларируется абсолютная неприемлемость материнской жестокости и бессердечности:

Гъаму накъвдиъ аъзабнаъ а дишагъли,  
Веледариз макур гъапIу авали [9, с. 86].

В этой могиле в страданиях [пребывает] женщина,  
Издевавшаяся над своими детьми сумасшедшая.

Справедливое загробное воздаяние ждет и тех, кто был в жизни глух к чужим бедам: «Страдающий под этим холмиком, / Никому не протянул руку помощи» («Му тепейикк аъзаб зигурайири / Кюмекнан хил саризра гъачIабккундар» [8, с. 50]).

---

<sup>3</sup> Галав — табасаранский большой безворсовый ковер.

В сатирических эпитафиях Г. Гаджиева усопший может быть изображен и как жертва других людей, — этом случае через описание смерти хозяина выносятся оценка другим, еще живущим людям:

Тай вуйиган, Аллагъди къисмат гъапІу,  
Яв ккунириз уву вуйи лап багъа.  
Яв вакили, шли-вуш кІул’ан адау,  
Фендигарвал гъапІну яв аку бахтназ [8, с. 50].

Ты была ему парой, дарованной Богом,  
И твой любимый очень ценил тебя.  
Твой вакил<sup>4</sup>, кем-то настроенный против,  
Подготовил западню для твоего светлого счастья.

Инсанариз хуш дайи мушвакк ккайир,  
Рякъюз-агуз дару ягъурсуз саил.  
Вуйи уьмур, инсан ккунир, табиаьт;  
АпІрур вуйи уж’вал ва марцци тІяаьт [9, с. 87].

Людам не был приятен лежащий здесь  
Непривлекательный, несчастный обездоленный.  
Был любящим жизнь, людей, природу;  
Совершал добро и усердное поклонение.

В структурно-композиционном отношении эпитафии Г. Гаджиева представлены двустистишьями, четверостишьями и восьмистишьями. Чаще всего встречаются четверостишья, для которых характерны философское обобщение, назидательность. В них поэтическая мысль развивается в два этапа: в первых двух стихах идет констатация, в завершающих стихах — вывод («Ты была ему парой, дарованной Богом...»; «Радостные дни подарил мне ты...»); либо же дается параллельное (повторяющееся) развитие темы («В темной могиле страдания бывают, говорят...»; «Эй, люди! Законы справедливости вы соблюдайте...»).

Реже встречаются двустистишья. Малый объем компенсируется емкостью содержания и лапидарностью высказывания: «Каким бы длинным твой жизненный путь не оказался, / В итоге, человек, он приведет тебя к могиле» [8, с. 46]; «В этой могиле лежит настоящий человек / Без сожаления ради народа отдавший жизнь» [8, с. 46] и др.

---

<sup>4</sup> Вакил — у мусульман родственник невесты, представляющий ее интересы во время сватовства.

Эпитафии-восьмистишия имеют лирический мини-сюжет. В композиционно-структурном, в содержательной отношении и в плане субъектной организации они намного сложнее двустиший и четверостиший. К примеру, в эпитафии:

«Ич дадайи чан веледар  
Кьюб йишваз пай гьапИнийи.  
Сарпидар вуйи ккунидар,  
Тмундар ярхла дерккнийи», —  
— Гьамци бикІна гьатму шибдик.  
Яраб фуз вуйкІан думу?  
Учв йикІайиз, гьаму гьвандик  
ГьидикІнийкІан гафар му? [9, с. 85]

«Наша мама своих детей  
На две группы разделила.  
Одни были любимые,  
Других она отдалила» —  
— Так написано на том надгробье.  
О боже, кто же это?  
Перед смертью, на этом камне  
Написал ли он слова эти?

присутствует наложение сознаний — в первой строфе даны слова усопшего о своей матери, которая обделяла одних и приближала других детей. Во второй строфе читающий надгробную надпись в данный момент прохожий/путник или сам автор (об этом говорит указательное слово *на том надгробье*, подчеркивающее пространственную локализацию созерцающего — рядом с могилой, на кладбище) — рефлексировать над смыслом надписи, сделанной давно (наложение разных временных пластов), пытается понять, кто ее автор и когда он написал эти слова. Тут же отчетливо ощущается и авторское присутствие — именно автору принадлежат графическое оформление двух строф: закавычивание надгробной надписи и отделение ее от рассуждений созерцающего сознания. Кроме того, предположительный вопрос путника, вызванный парадоксальной ситуацией — усопший написал надпись на надгробном камне собственной могилы — оставляет читателям возможность иных трактовок авторства надписи — это мог быть и человек, который написал стихи от имени нелюбимого сына, и сам нелюбимый сын, который высек их на надгробье матери — в таком случае эпитафия приобретает сатирический смысл. Выражение *на том надгробье* подчеркивает его ориентированность на собеседника, обращенность к воспринимающему сознанию.

Таким образом, восьмистишие представляет собой текст в тексте: первый текст — это эпитафия, авторство которой неясно (принадлежит либо усопшему, либо тому, кто написал ее от имени усопшего); второй текст, объемлющий первый — это рассуждение над смыслом эпитафии и принадлежит либо путнику, либо автору, рефлексировать над исходной

надписью и приглашающему к ее обсуждению читателя. По сути, данное восьмистишие — не эпитафия в чистом виде, а текст-рассуждение, написанный по мотиву эпитафии, и в нем акцент с самого содержания надгробной надписи переносится на автора надписи.

В другом восьмистишии из цикла — «Под дорогой высится холм из щебня...» («Рякьюн исикик гъвандин бяргъял за дубхъна» [8, с. 48–49]) развитие лирической темы можно представить в виде следующей последовательности: пространственная локализация могилы («под дорогой») — описание внешнего вида надгробья («над ним установлен неотесанный камень», «небрежно выпарапаны на камне буквы») и внешнего облика надписи («с трудом можно прочитать слова» — текст самой надписи, представляющей непосредственную эпитафию неверной жене, побитой родственниками камнями. Здесь использован тот же прием, что и в первом восьмистишии, но в иной последовательности; так же усложнена и субъектная организация текста — воспринимающее сознание (автор или путник) объемлет автора текста надгробной надписи, наличие которого выдает указательное местоимение «под *этой* кучкой щебня» («гъаму бяргъликк»).

Эпитафии Р. Рамазанова из поэтической книги «Моя земля» («Багъри юрд») в художественном отношении менее совершенны и в структурном отношении проще, чем тексты Г. Гаджиева. В указанной книге представлены две эпитафии. Первая состоит из трех четверостиший, вторая — из одного. Обе эпитафии носят назидательный характер — это призыв к живым людям вести праведную жизнь, творить добро, не забывать о смерти и, пока есть возможность, поклоняться Всевышнему. В первой эпитафии субъектом речи выступает усопший, на что указывают местоимения «сюда», «отсюда», указывающие на место нахождения субъекта речи — могилу. Адресат обращения вербально не конкретизирован:

Игъсан апІин жил’ин илмиди  
Мина гъиган хил’ан рубкъдар.  
Дугъри рякъ бис, яшназ дилигди,  
Мушвкан къяляхъ хътакуз шулдар [10, с. 34].

Совершай искреннее служение, пока на земле,  
Когда сюда придешь, у тебя не получится (делать это).  
Придерживайся праведного пути, несмотря на возраст,  
Отсюда невозможно возвратиться назад.

Во второй эпитафии назидание обращено к обобщенному объекту — человеку вообще, но при этом не конкретизирован субъект речи — обращение может исходить как от самого надгробья, так и человека, который писал его:

Яш гъабхъир вуш, тув насигъят,  
Жигъил вуш, ибт думу яв кІваъ:  
Гъялал вуй уъл ва дин-тІяаът  
Див яв, инсан, уъмрин кІулиъ [10, с. 34].

Если пожилой, дай совет,  
Если юноша, помести его [совет] в своем сердце:  
Дозволенный хлеб и религию  
Ставь, человек, во главу своей жизни.

### Обсуждение

Таким образом, в цикле «Надписи на надгробных камнях» Г. Гаджиева встречаются эпитафии разной степени соответствия жанровым образцам — от текстов, в которых соблюдаются все жанровые требования до стилизаций под эпитафии, стихотворений, написанных на эпитафические мотивы, текстов, где можно наблюдать разрушение жанровых признаков. В тематическом отношении их можно разделить на панегирические, сатирические, философские; в структурно-композиционном отношении гаджиевские эпитафии представлены двустихиями, четырехстихиями и восьмистихиями; субъектно-объектные отношения также достаточно разнообразны: субъектами речи могут быть усопший или надгробный камень, иногда написавший надпись живой человек — они обращаются с назиданиями, советами к живым людям; либо же живые люди — родственники усопшего обращаются в эпитафии к ушедшему с благодарностью, чувством признательности, выражают любовь к нему, скорбь. Встречаются и случаи наложения разных сознаний (автора надписи на камне, реципиента (прохожего, читателя), автора-творца литературной эпитафии) и временных пластов в одном тексте.

В эпитафиях Р. Рамазанова жанровые требования не нарушаются, их адресатами являются живые люди, к которым обращаются усопший или надгробный камень, либо человек, вырезавший надпись в камне, с назиданием и призывом совершать добрые дела.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Ханмурзаев И.И. Кумыкские надгробные памятники (сын таш) // Тюрки Северного Кавказа: история, археология, этнография: Сборник научных трудов / Под ред. А.А. Глашева. — М.: Эльбрусид, 2009. — 262 с. С. 54–67.
2. Керейтов Р.Х., Червонная С.М. Эпиграфика Ногайской степи // Татарская археология. 2002–2003. № 1–2(10–11). С. 168–209.
3. Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX веков: Источники. Эволюция. Поэтика. — СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 1999. — 198 с.
4. Брагинская Н.В. Эпитафия как письменный фольклор // Текст: семантика и структура: сборник статей / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики [отв. ред. Т.В. Цивьян]. — Москва: Наука, 1983. — 302 с. — С. 119–139.
5. Ложкова А.В. Литературная эпитафия: проблема жанровой специфики // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. — 2018. — № 4. — С. 56–64.

6. Багомедов Р.Ф. Возникновение и развитие литературной эпитафии в даргинской поэзии // Наука и образование: состояние, проблемы и перспективы развития. Материалы научной сессии профессорско-преподавательского состава Дагестанского государственного педагогического университета, посвященной 90-летию доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента АПН СССР А.М. Магомедова (29–30 октября 2020 года). — Махачкала: ДГПУ, 2020. — 725 с. — С. 446–450.
7. Меджидова З.С. О некоторых особенностях языка и стиля жанра надписей Расула Гамзатова // Гуманитарные и социальные науки, 2017, № 4. — С. 158–167.
8. Гаджиев Г. Диалог с Музой. — Дербент: Изд-во «Типография № 3», 1999. (На табас. яз.). — 67 с. С. 46–50.
9. Гаджиев Г. В обители поэзии. — Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2014. (На табас. яз.) — 132 с. С. 81–87.
10. Рамазанов Р. Моя земля. — Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2011. (На табас. яз.) — 128 с. — С. 33–34.

## Mallaliev Gulahmed Nuralievich

Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia  
Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa

E-mail: [gyu76@yandex.ru](mailto:gyu76@yandex.ru)

RSCI: [https://www.elibrary.ru/author\\_profile.asp?id=500803](https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=500803)

# Genre of literary epitaph in Tabasaran poetry

**Abstract.** The article is devoted to the study of the genre of literary epitaph in Tabasaran poetry. In the water part, which has a theoretical character, the difference between the cemetery and literary epitaph is shown, the constitutional signs of two genre varieties are revealed, the degree of mastering of the genre in the literatures of the peoples of Dagestan is stated.

In the main part of the work, the thematic, structural and compositional analysis, as well as the analysis of the subjective organization of the texts of the Tabasaran literary epitaph were carried out on the material of the poetic texts of poets G. Hajiyev and R. Ramazanov. The author comes to the conclusion that the literary epitaph in Tabasaran poetry has an edifying and satirical character; it condemns the actions and qualities of people who contradict the national ideal of a woman, mother, highlander — adultery, violence against people, selfishness and indifference, depravity and perseverance in committing sins. Also in the epitaphs, the problems of retribution for earthly life, gratitude are raised.

**Keywords:** epitaph; tombstone; Tabasaran literature; edification; subject of speech; cycle; tomb; addressee